

Часть 6. Прифронтовая полоса

Одесса – город как город. Шумный и многолюдный, со своим шармом и неподражаемым акцентом жизни, как Одессе и положено быть. Живущий по своим законам, гудящий «Привоз». Зычные ушлые таксисты на привокзальной площади, шныряющие среди приезжих, и набивающиеся к ним в «благодетели», чем-то неуловимо напоминали извозчиков времен, так колоритно описанных еще в «Зеленом фургоне». В привокзальном кафе можно было расплатиться почти любой валютой мира – отдав за порцию сосисок рубли или «баксы», сдачу, если хочешь, можешь получить франками, марками или украинскими купонами... Всюду лоточники, снующие фарцовщики, тряпичники, пацанята-газетчики, бабульки, торгующие семечками и таранькой. Обычная, будничная жизнь одесского вокзала.

Но...

Электрички в Тирасполь – пункт назначения группы – не ходят! Даже поезда международного сообщения – в Бухарест, Софию – и те следуют в обход через Западную Украину. Война...

Вокзал как вокзал. Как улей. Толчея, непроходящий гул и липкая духота – рубашка Вадима вскоре плотно прилипла к спине, а брюки к ногам. Люди просто плавилась. Там и здесь чемоданы, необъятные сумки, авоськи, рюкзаки. «Мутные» личности. Грязный пол...

Зал ожидания вокзала полон людей, выделявшихся на общем фоне – малыш с испуганным и совсем не детским взглядом, плачущие женщины, старики со скорбными лицами. Наспех собранные вещи, у кого-то рядом стояла детская коляска, нагруженная хозяйственными сумками, какими-то узлами, и из всего этого скарба торчал, приспособленный под древко, смятый детский сачок с привязанным... белым полотенцем. «Да это же приднестровские беженцы!..» - резанула догадка.

Духота в зале стояла невероятная, и, казалось, что воздух, как тесто, просто не проталкивался в лёгкие. В надежде на свежий воздух и прохладу тени деревьев, Вадим предложил казакам, пока есть время, выйти прогуляться по привокзальному скверу. Да и, соблюдая хотя бы минимум конспирации, нечего было всем держаться в куче. О чём в шутивно-приказном тоне и напомнил Смолин:

- Рассосались! А то торчим, как три тополя на Плющихе. Заметут нас тут, - удачно спародировав сиплый голос Хмыря из «Джентльменов удачи».

На вышедших из сумрака здания вокзала парней зной обрушился с такой силой, что чуть не нокаутировал, а у кого-то аж в глазах потемнело. А Ивахно по этому поводу, чуть шагнув за порог, высказался кратко и ёмко, в своей привычной рабоче-крестьянской манере... Раскаленное солнце шпарило так, что всё вокруг казалось белым. А оранжево-красная крыша стоящего неподалёку грязно-серого дома смотрелась как кипящая сталь в плавильном котле. Солнце, как пожар, не щадило никого, и деться от этой зависшей в небе лазерной пушки было некуда! Воздух был горяч и недвижим. Впечатление, что дышишь донельзя раскалённым в сауне воздухом. Вадим давно знал, что он плохо приспособлен к жаре, особенно в городских условиях – в этом прожженном солнцем каменном мешке, казалось, даже мозг, плавясь, начинает тупеть, отказываясь с прежней остротой воспринимать информацию из окружающего мира. Влад же, его друг и дважды земляк – «челябинский сибиряк», жару, как заметил, переносил на удивление легко.

...В тенистом сквере у привокзальной площади общественностью, патриотическими и социальными организациями был развернут пункт сбора, размещения и отправки беженцев. Вот подъехал еще один «Икарус» с большим белым флагом над крышей, до отказа наполненный людьми. Все они только что из пекла – настоящего! - да и тут, как назло, жара, духотища! Некоторые детишки бегают чуть не голышом, босиком по ошпаренному солнцем асфальту, и даже тень не дает прохлады.

Казакам группы, увидевшим все это, трудно было представить, что испытали эти люди, бросившие обжитые места и бежавшие из района боевых действий. Что ждет их там, на обширных землях некогда единой и могучей державы, которая была для всех общим домом?

Державы, которая на глазах расплзлась по швам границ враз объявившихся суверенных и «незалежных» республик, ставших освобождаться от «оккупантов».

Именно здесь – в одесском привокзальном сквере – казаки почувствовали близкое дыхание той страшной войны. Отсюда началась ее прифронтовая полоса!

Михайлов видел, как то там, то здесь к беженцам подходили казаки его группы, слушали... Вадим с Борисом приблизились к сидящим на скамейке мужчине лет пятидесяти и женщине с двумя девочками. Слушая мужа, говорившего с какой-то женщиной, она прижимала к себе малышек, успокаивая, гладила их светлые головушки. В глазах ее стояли слезы...

- ...Не хотим испытывать судьбу, – мужчина закончил фразу, перевел дух, пытаюсь справиться с душившим его волнением, находясь до сих пор во власти черных воспоминаний о том аде, из которого им удалось вырваться. – Все это надо увидеть своими глазами, никакими словами не передать, что мы пережили. Квартира у нас в центре, так что оказались в самом горниле... Бьют по горисполкому, стреляют по жилым домам, а мы с женой и с внучками прячемся в ванной, лежим на полу. Я по квартире, не поднимая головы, только на животе переползал. Мебель, вещи – буквально всё! в доме разбито. Близким взрывом сметено. Стены посечены пулями, осколками... На полу сплошное крошево из стекла... Диван загорелся, я его еле потушил – комната вся черная от гари... Посмотрели бы, что с городом они сделали! Гимназия сгорела, депо, бензозаправка рядом была – тоже... Везде пожары! Почтамт выгорел дотла, исполком – это сейчас просто руины!

- Мы-то издали смотрели на Бендеры, и то ужаснулись утром 20 июня, когда весь город был охвачен пламенем, - заговорила, стоявшая рядом с ними женщина. – Взрывы, сплошная канонада, над городом клубы дыма. ...Что за звери?!

- Звери? Не-е-ет... Это фашисты! Они за нами, как за зверями в лесу, охотились... Везде на крышах снайперы. Соседка подошла к окну, приоткрыла штору и пулю получила. А ведь у нее еще в апреле муж погиб, трое ребятишек остались... Трое сирот! Как-то небольшое затишье было, выглянул через окно во двор. Вижу – перебегают двое мужчин, один из них совсем старик, и мальчик лет двенадцати. И тут на них ОПОновец выбегает. Дает очередь. Старик, как стебель подкошенный, упал. Другой мужик успел за угол дома убежать, а мальчик... – у говорившего дернулся кадык, – ...он, наверное, растерялся – побежал назад. Так тот его вдогонку очередью уложил, подошел и добил, раненого... Фашисты они! И всё это можно назвать одним словом – геноцид!

Справка: *«Геноцид – уничтожение или преследование людей по признаку определенной общности или происхождения, негласное признание виновности людей в принадлежности к той или иной социальной, культурной или биологической группе».*

(«Мир в XX веке». Изд. «Дрофа», М., 2002 г.).

Михайлов с Будуновым словно в шоке стояли и молча слушали тот рассказ.

- ...Мы два дня в ванной просидели. Девчушки напуганы. Как взрыв – они в рев!

- А родители-то их где?

- Воюют. Дочка тогда до дома дойти так и не смогла, дозвонилась до нас только ночью из крепости. Там госпиталь развернули, а она у нас врач. В нем осталась. Раненных очень много. Звонила нам часто, пока эти гады Дом связи из пушек не расстреляли... И Сережка – зять наш, тоже воюет. Он на дежурство ушел – в милиции работает – в тот вечер и началось все. Видели его, когда наши уже в город ворвались. Заскочил домой с каким-то парнем в камуфляже. Грязные, уставшие, с автоматами, у нашего так ещё и гранатомет в руках. Попросил собрать ему бинты, марлю, медикаменты и чего-нибудь съестного для казаков – все эти дни он с казаками Дом связи оборонял. Сказал нам: «Я видел, как воюют казаки, останусь с ними воевать до победы». Спросил, где Аленка, поцеловал дочек, сказал, чтоб мы уходили из города... А уж после того, как в соседний дом попала ракета – ох, и много же там погибло! – дом-то рухнул, мы наспех собрались, упаковали вот эти сумки, как могли, взяли документы, фотографии да то, что за всю жизнь скопили, какие-то несколько тысяч, да золотые сережки, колечки – и, как затихло немного, к мосту – в Тирасполь. Сколько убитых лежало на улицах города! Город весь в руинах, не знаю – остался ли хоть один дом в центре целым? А сколько сгоревших, подбитых

танков и бронемашин бросили кишинёвские вояки – ни в каком кино не увидишь столько лежащей на улицах города мертвой, искореженной техники – это ж какие бои были?! Только стихло, как люди из города сплошным потоком ринулись к мосту. Но мало этим зверюгам врезали! Они лишь затаились. Мы только подошли к мосту, как вновь загрохотало, зажужжали пули. Страшно было! Люди бежали по мосту под огнем... Чуть что – падали наземь, я хватаю Наташку – три годика ей, – закрываю собой. Если меня, думаю, подстрелят, так хоть ребенок цел останется... А Ольга, жена, хватает в охапку старшую Светку, та от страха криком кричит, я ей – цыц, голову прижми!.. На мосту одна женщина – до сих пор передо мной ее глаза, полные ужаса, - напротив, бежала нам навстречу, в эту кровавую бойню... Не забуду, как она кричала, уже срывающимся голосом: «Боже, у меня там дети!!!» В общем, не знаю как, видимо, чудом уцелели, кое-как добежали до Паркан. Там стало полегче, нас уже автобусы ждали...

- Куда же вы теперь?

- К сватам поедем – родителям нашего Сережки, под Воронежем живут, – сказала молчавшая до этого женщина. – Сколько мы у них пробудем? Если б знали, что этот кошмар кончится через месяц-два, можно было бы и здесь как-то прожить да вернуться вскорости... Но мне кажется, все это затянется надолго. Не знаю, что будет?

- Что будет, что будет? Югославия тут будет – вот что! – пробурчав, воскликнул мужчина, резко вскинув голову. – Дай Бог, чтоб я ошибся, но мира здесь долго не будет, это уж точно...

Вадим с Борисом долго молчали – не могли прийти в себя. Видели, что в таком же подавленном состоянии находились и другие казаки группы. Это ж, сколько крови, сколько людского горя! Услышанные рассказы – много и у каждого свой – огнем прошли через их сердца. Души, терзаемые гневом, жаждали мести – святой и справедливой!

Привести себя в порядок и скорее в путь! Пока главная задача группы – доехать скорей и без «приключений»!

Меры предосторожности в пути, особенно на просторах «вільной України», не так давно «освободившейся от москальского ига», казаки соблюдали неукоснительно. На то были причины.

У каждого из группы среди вещей и личных документов, «на всякий случай», лежали другие, «липовые», но безупречно оформленные документы: командировочные удостоверения, доверенности, договора, требования, накладные... Согласно им, якобы из разных городов Иркутской области и Красноярска в Тирасполь ехали незнакомые друг с другом люди: два «фирмача»-посредника на завод «КВИНТ» для закупки крупной партии коньяка по бартеру за якобы поставленные электронасосы, на другой завод - бригада наладчиков промышленно-технологического оборудования для исполнения договорных обязательств, коммерческий директор малого предприятия с предложением о поставке продуктов лесохимии.

Еще в Москве, взяв билеты на скорый поезд, идущий через всю Украину, группа разделилась, рассредоточилась по вагону. Между собой подгруппы не общались, но держали друг друга в поле зрения. Изредка, будто случайно, встречаясь лишь в тамбуре на перекуре да в вагоне-ресторане. Так же вели себя и в Одессе. Конспирация, господа – жесткая штука...

Слышали, что «сигуранца» – румыно-молдавские спецслужбы, да и украинская «безпека» тоже вроде, отслеживают группы добровольцев, направляющиеся на помощь Приднестровью. Знали, что были и неоднократные стычки с украинскими националистами.

...Национализм. Это, как «сквознячок» украинской «самостийности» казаки почувствовали именно по дороге в Одессу. Иногда слышали, как в разговорах пассажиров проскальзывало пренебрежительное отношение к людям других национальностей, ну а «москаля», «кацапы», «русяки», «ватники», «лапти» среди остальных здесь были вне всякой конкуренции! Послушали их – будто гнильцой потянуло от вытащенного из загашника, побитого молью «петлюро-бандеровского» лозунга «нэнькі-Україны»: «Мы б жили вільней и богаче усїх, та нас «москаля» грабують». Впечатление, что национализм, пусть на бытовом уровне, здесь становится религией и верой.

Встретившись в тамбуре на перекуре, Борис рассказал, как в их «купе» колхозного вида «человиче», один из тех многих, кто знают, как управлять страной, размитинговался, ратуя за

скорое вхождение Украины в Европейское Содружество. Мол, «самостийной Украине», освободившейся от диктата Москвы, только и дорога, как в цивилизованную Европу!

- Без России? Хм... Скорее не в Европу, а... в рифму! – прищуриваясь от табачного дыма, глубокомысленно заключил Лекарев.

А в вагоне-ресторане, куда Михайлов, Лекарев и Смолин зашли перекусить, чуть было не произошел инцидент. Ситуация неприятная – даже официантки-хохлушки и те попытались спровоцировать этих москалей-кацапов, когда парни стали расплачиваться:

- Тю-ю... А шо це таке?

- Как что? Деньги.

- Це ни деньхи! – вдруг нервно вспыхнула официантка, и смяв в кулаке, презрительно швырнула к ним на стол стопку рублей.

- Шо там, Гхалю? – обернулась другая. – Опять кацапы расейски гумажки сують?

Казакки напряглись, на скулах алыми пятнами заиграли желваки.

- У нас только рубли, других нет, – начал было спокойно говорить Лекарев, с трудом скрывая явное раздражение, но его вдруг перебил Влад, презрительно передразнивая выдав ей: - Шо, гарной дивчине тильки баксы трэба? Так зэлэних, як и бананьев нэма. Тю-тю!..

- Влад! – резко осадил его Славка. Влад понял – спокойно, держаться! Славка же, как ни в чём не бывало, продолжил, обращаясь к хамовитой официантке, пытающейся оплывшей жиром мозговой извилиной переварить Владову язвительную пилюлю. – Какие же вам нужны? Насколько помню, курс рубля по отношению к ново-украинской валюте всё же повыше...

- ...Ага, если и по весу, так на несколько килограмм, – не преминул вставить «шпильку» Смолин.

Зыркнув в его сторону, Славка спросил официантку: – Что же тогда по-вашему деньги?

- О це деньхи – настояшшы деньхи! – горделиво воскликнула та, и чуть ли не в глаза ткнула выгашенными из кармашка застиранного фартука разноцветно-блеклыми бумажками с «владимирским трезубцем», именуемыми в народе купонами. – А ваши – тьфу!.. – Но разбросанные по столу рубли всё же начала собирать...

Парни заметили, что этот, вызванный официанткой шум, привлёк к ним ненужное внимание других посетителей ресторана. Выходя из-за стола, Смолин не утерпел, и сквозь зубы в ответ ей прошипел:

- Доплюёшься. Придёт время. Как бы отсмаркиваться не пришлось. Слезами. Далеко ли без России уедете со своими засаленными трезубыми фантиками? На карачках ещё приползёте...

...Украина. Отсюда начиналась Русь. «Киев – мать городов русских». Отсюда Русь пошла вширь и вдаль. Пока не стала Россией. ...Киевская Русь, Малороссия, Вкраїна, Украина – «у края», «окраина» – окраина Руси – России. Как и Белоруссия – Белая Русь, – с Россией родные плоть от плоти. Мы – русские, украинцы, белорусы – все идём от одного древнего «корени», называемого «русью». У нас общие святыни, единая вера. Казачество российское и то кровно пошло от казаков Украины. В числе первопроходцев были и казаки-запорожцы – расширили границы Государства Российского.

Россия ведь не колонизировала, а присоединяла, «брала под своё крыло», она брала на себя ответственность. Ответственность за защиту жизни вымираемых, вырезаемых, исчезающих народов. Русский православный народ – да, именно русский, ведь нас невозможно разделить! – пойдя от Святой Киевской Руси, создал величайшее в мире государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана; и не унизил ни один из встретившихся на его пути народов, пусть самых малых, но всех принял, как братьев, сохранил их веру и уклад жизни, покоряя прежде сердца, а не крепости.

Так что же нам с вами, братухи, делить? Чем вы заболели, что «москаль» стал вдруг врагом «хохлу»? Неужто забыли волю Переяславской Рады: *«чтоб есми во веки вси едино были»?*

Объяснять, что тот же враз полюбившийся вам «трезуб» не имеет никакого отношения ни к Украине, ни к украинским казакам, поскольку является гербом князя Владимира Святого, крестившего единую тогда Русь, и во всех своих деталях украшает княжеские монеты десятого

века? Что байка про написанное или якобы зашифрованное в нём слово «воля» могла появиться только спустя много сотен лет, когда украинские националисты спёрли герб у покойного князя, который им подобных – сепаратистов и мелкоплеменных удельных князьков и бояр на дух не переносил и гнобил нещадно? Но поймёте ли?..

Объясните тогда сами: отчего на православную Украину с западной окраины вновь пополз католицизм и его национально-религиозная извращенка – уния? Почему опять потянуло гнилым «западным» национализмом? И эти, из УНА-УНСО, считающие себя украинским столбовым хребтом и надеждой нации – почему в открытую пропагандируют фашистскую идеологию?

Да, «нация» в самом мерзком её понимании сползла с предгорий Карпат, сейчас лихо расплодилась по всей Украине. Продолжают гнобить русских и в Прибалтике. А сейчас ещё и за Днестром. В России же, кажется, национализмом до такой степени – чтоб славянин на славянина! – мало кто страдает. Пока. Правда, при такой политике Москвы, данное положение может очень быстро и исправиться... Всё от того, создаётся впечатление, что кремлёвские «демократы» растеряны и не знают, что же делать с этим, вдруг свалившимся на их головы бременем власти? Как и какую не только внешнюю, но и внутреннюю политику вести? В том числе и межнациональную. Вот и ведут её извне. Всякие там МВФ и Соросы. Но – руками Кремля! Видимо, от этого-то уже в России и появились «русские наци». Мало чем отличающиеся по своей сути с иными «истинными арийцами» – также превозносят себя, кичатся, что они истинно русские. А что есть русский? Вот, Пушкин Александр Сергеевич – русский? Безусловно! Несмотря на его африканскую кровь! Великомученик Николай II Романов – русский? Да! Хотя русской крови в нём, что доказали историки, всего одна двадцать восьмая часть. Русский – это даже не национальность, а состояние духа. И дух этот, извините за каламбур, и на дух не переносит национализма!

Невольно Вадим вспомнил своих друзей по Выборгскому авиаучилищу, и свой замечательный 151-й взвод. В его взводе были украинцы и белорус, армянин и казах, коми, тувинец, мордвин и... А вообще в их роте учились парни семнадцати национальностей! И все жили дружно, никто никого не подначивал насчет национальности. Где они сейчас, ребята его взвода? Иногда вспоминал Гарика, армянина из Азербайджана, беспокоился: что с ним, с его родителями после всех этих сумгаитов-карабахов? И никогда, хоть ты тресни, Вадим бы не поверил, что кого-нибудь из его друзей-украинцев, с кем провёл несколько лет жизни: Вальку Сахацкого из Луцка, или полтавчанина Серёгу Климача ныне вдруг да и коснулся своим поганым крылом этот выкидыш «перестройки» – украинский национализм...

Ведь, кто они такие – националисты? Да это же больные люди! Психически больные. Грубо говоря, это уродливый комплекс неполноценности, когда, извините, дерьмо с вяло текущей шизофренией вдруг пытается доказать всему миру, что оно – конфетка. И даже изобретает себе яркий фантик, дабы истинная суть не слишком воняла. Но из-под фантика, как ни прикрывай, всё же, пузырясь, выползает вонючая гниль. *«...Вас будут гнать метлой, как погань. Если ваши москаля не будут учить украинский язык, то мы вышвырнем их из нашей Украины... Чем меньше таких мразей, как вы, останется, тем лучше будет воздух. Европейско-украинский альянс вступает в священную войну против москальского зверя... Вас, москалей, русских пьяниц и грязных скотов, нужно уничтожить, как тараканов, всеми доступными средствами. По всему миру не давать вам спокойно дышать. Пусть горит земля у вас под ногами. Смерть России!»* - такое вот письмо было прислано неким Борисом в редакцию журнала «Спецназ России».

...Это происходит не от избытка национального чувства, а, наоборот, из-за его деградации. Из-за гордыни. Это от лукавого всё. Гордость и гордыня – понятия разные. Гордыня – это грех! Почитайте-ка Святое Писание. А когда национальное чувство освящено высшими, скажем – православными ценностями, там не будет ощущения превосходства. Но вообще-то... националистом нужно быть. В том смысле, что любить свою нацию, её традиции, Веру, уклад и образ жизни. Но не во зле же, не в ненависти к другим народам! Ведь по Воле Божьей всё вернётся на круги своя – во вред своему же народу. Сколько опять будет горя! Чёрт бы их побрал, этих «нациков»! Прости, Господи...

В. Наумов, полковник, товарищ Атамана Союза казаков России.

«Русский Вестник», № 51, 2000 г.

«...Я просто знаю истинное положение вещей, которое очень далеко даже от простого добрососедства частей единого ещё недавнего государства. ...Правящая верхушка Окраины делает всё, чтобы навеки разделить наш народ, посеять вражду и ненависть, воспитать будущие поколения в духе враждебности к своим братьям и отчужденности от общей судьбы народа. Всё это происходит отнюдь не случайно. Дело в том, что в Малороссии (Украине) из числа русских малороссов, по замыслам мировой закулисы, готовится пушечное мясо для удара по Великороссии. Запад желает понести минимальные потери среди своих солдат, поэтому жителям Окраины уже сейчас вдавливают в голову, что они передовой отряд западной цивилизации в борьбе с «русскими варварами». Людей цинично готовят к смерти в братоубийственной войне за интересы Варбургов, Ротшильдов, Шифов...».

...Прибыли на автовокзал, такой же многогалдящий, еле продуваемый душным сквозняком. Взяли билеты. И вот уже через полчаса, шурша асфальтом, тупорылый пожиратель дорожного пространства породы «Икарус» бело-вишнёвой масти, и с нутром, слегка пропахшим соляром, но всё же довольно комфортабельный, мчал их к месту столкновения с Историей – курсом на Тирасполь.

Ехать, в общем-то, недолго – часа полтора. Ни жары, ни духоты в автобусе не ощущалось – по салону метался тёплый ветерок – окна были приоткрыты. Глядя в них, казакам даже не верилось, что где-то рядом идет война. Все в зелени, чистенькие и аккуратные села с белыми, будто кукольными домиками с разноцветными крышами, благоухающие сады и уходящие вдаль ровные полосы садов и виноградников. А вон в поле, больше похожем на поле среднерусской полосы, ходит трактор. Яркое солнце, голубое небо, тишина...

Недолгой была та иллюзия. Автобус подъехал к мосту через какую-то речушку, и, приняв вправо, въехал на большую площадку, наскоро выложенную аэродромными плитами, и вдруг остановился рядом с бронетранспортером, на борту которого красовался «намалеванный» украинский трезубец. Дорога впереди уложена бетонными блоками так, чтобы проезжавший автомобиль мог двигаться «змейкой», не набирая большой скорости. Недалеко стоял строительный вагончик с развевающимся над крышей «желто-блакитным прапором», рядом с мостом – какое-то, типа дота, бетонно-блочное укрепление... «Та цеж прикордонный блокпост!» – граница с Молдавией. На площадках по обе стороны дороги стоят автобусы, грузовые и легковые машины, солдаты-пограничники с нарукавными повязками под цвет украинского флага – ну, прям как в фильмах про времена Петлюры! – тщательно проверяют груз, багаж пассажиров, документы...

В их автобус зашли двое, стали выборочно проверять документы и багаж у пассажиров.

- С какой целью пересекаете границу? – спросил украинский пограничник, листая паспорт Лекарева.

- В командировку еду. Бизнес... – вальяжно ответил Славка, быстро войдя в образ «крутого фирмача».

- Ваше командировочное удостоверение, пожалуйста, – потребовал пограничник.

- Ты чё, прапор, не въезжаешь? Это личный бизнес, а не «совковая» контора. Я по телексу еду. Надо? – смотри...

Не найдя в поданных документах и бумагах ничего предосудительного и, взглянув на солидную кожаную папку, которую Славка убирал в дорожную сумку, прапорщик козырнул.

Сидя на заднем сиденье, Влад с Вадимом, не подавая вида, внимательно за всем наблюдали. Вот второй «прикордонец» подошел к Саше Ивахно, открыл его паспорт...

- Почему через кордон валюту провозите?

- Валюту?... – переспросил изумленный Ивахно.

«Прикордонник» вынул и показал Сане три бумажки украинских купонов, лежавших в паспорте – так, мелочь какая-то.

- Да разве ж это – валюта? – «ляпнул» языком Ивахно, и тут же, по резко вскинутым бровям стража границы поняв, что в данной ситуации он явно «сморозил дурь» – задел

национальные чувства «прикордонника», уже иным тоном «подыграл»: – Ведь на это даже кило сала не купишь!.. Да куда я их дену? Мне все равно дня через два-три обратно ехать...

Пограничник отстал от него, тут же подошел к Смолину, потребовал открыть сумку для досмотра. На дне сумки увидел «камуфляж».

- А это шо? – пристально, с прищуром глядя хитрыми глазами, спросил пограничник.

- Как шо? – передразнил его Влад. – Не видишь – спецовка... На работу купил. А чё такого?.. Нельзя чё ли? – играя простачка, расчёлкался Смолин. – На заводе я в чём буду, а?..

И «жовто-блакитный» зелёнопогонник отстал. Всё, можно ехать дальше – «таможня даёт добро».

И снова дорога. Снова мирные поля, села. Снова навстречу попадают автобусы под белыми флагами...

Впереди показался город – будто белая стена среди зелени полей – Тирасполь! Доехали!..

На въезде в город дорога вновь перегорожена «змейкой». Но всех казаков группы поразили, написанные на бетонных блоках большими белыми буквами, слова: **«ПМР - оплот интернационализма!»**

Через открытые окна, проезжающего по Тирасполю автобуса, во всей красе был виден очень уютный, в неге лежащий под лучами южного солнца город, утопающий в зелени садов и скверов, благоухающий нежным ароматом ярко цветущих клумб и газонов. Райское, просто благодатное место. Но... Взгляд часто наткнулся на идущих по улице людей, затянутых ремнями в «камуфляж» и «песчанку», на вооруженные патрули в черных беретах, на красно-зеленые флаги с черными лентами – в Приднестровье траур.

...Этого плотненького пожилого мужчину с потёртой дорожной сумкой и с открытым добрым лицом, но с беспокойным взглядом и несколько суетливого, про которых говорят: «шило в... энном месте», «рубаха-парень» и «годы его не берут», Вадим заметил еще в поезде, а потом на вокзале в Одессе. Увидев там кого-то из знакомых, он буквально бросился к сидевшей группе беженцев. Плакала, говорившая с ним, женщина. Беззвучно плакал и мужичок... Потом Вадим взглядом выхватил его же, стоящим в очереди у кассы автовокзала. Понаблюдав. Суровое лицо, потухший и какой-то отсутствующий взгляд – от былой живости не осталось и следа. Ехали с ним в одном автобусе...

- Извините, пожалуйста, – обратился Михайлов к этому случайному попутчику, когда пассажиры вышли из автобуса, – Вы, видимо, тираспольчанин? Не подскажите, чтоб нам долго не плутать, как найти штаб казачьего войска?

Мужичок как-то боком сделал шаг назад, смерил Вадима настороженным взглядом немигающих глаз и, недоверчиво, но жестко спросил: – Вам – это кому? Вы кто? Зачем вам нужен казачий штаб? – и, не поворачивая головы, глазами поискал кого-то по сторонам...

Михайлов знал, что мужик группу все равно бы не увидел – по одному, по двое казаки разошлись по сторонам... Или он патруль высматривал? Хотя они находились уже на СВОЕЙ земле, но с патрулем всё-таки не очень-то хотелось объясняться. Вадим решил довериться незнакомцу, к которому, понаблюдав и сделав вывод, был уже расположен.

- Расслабьтесь, отец, мы – свои. Мы – группа казаков из Иркутска. Нужно объяснять, для чего мы к вам прибыли? Или мандат показать?

- Отку-у-уда-а?.. – мужичок округлил глаза, и тут лицо его озарилось такой неподдельной радостью! – Братушки!.. Дорогие вы наши!.. Я же сам казак! Конечно, я покажу!.. Я провожу вас! Тут недалеко, пойдёмте! Я ж в командировке был, а тут такое!..

Вадим повернулся, махнул рукой, подзывая казаков. Степан, как после представился попутчик и провожатый группы, с таким восхищением и гордостью посмотрел на подошедших казаков!

- Если уж сибиряки к нам на подмогу едут, – воскликнул он с блеском в глазах, – то звездец Снегуру! В своей же крови, гадина, захлебнется!..

...Весь асфальт главной площади Тирасполя, его улицы усыпаны цветами – сегодня, 23 июня, приднестровцы прощались со своими защитниками, павшими в боях за Бендеры.

Такого величественного, как гимн, памятника, сравнимого разве что с «медным всадником», Вадим нигде и никогда более не видел. Памятник Александру Суворову – величайшему полководцу и основателю Тирасполя для всего Приднестровья был не просто памятником. Это символ, это отлитое в металле олицетворение преемственности эпох!■

На резко остановившемся у самого края кручи горячем боевом коне, - будто в гневе пригнувшим голову к широкой груди, кажется, еще миг и он, под властно натянутыми поводьями, подав круп назад, вот-вот встанет на дыбы, в нетерпении уже подняв мощное копыто, - со шпагой и с развевающейся на ветру накидкой, старик Суворов призывно вскинул руку вверх.

Этим энергичным взмахом руки, этим поворотом гордо вскинутой головы с неизменным хохолком, Суворов, казалось, говорил: здесь – Россия!

... Взмах руки, как его, прошедший через века, призыв: «За мной, чудо-богатыри!..»

... Взмах руки, как за секунду до его команды: «Братушки, залпом – пли!..»

... Взмах руки, как предупреждение врагам Отечества!

Замедля шаг, иркутяне остановились – столько энергетики, столько символизма было в облике Суворова! О чем думали в ту минуту, стоя на центральной площади Тирасполя – можно только догадываться...

Для всех защитников Приднестровья – равно и тех, кто прибыл из России и Украины - дед российского воинства Суворов стал не столь символом, сколь олицетворением Знамени Победы! Сильнее всех это выразил, воевавший в рядах казаков, русский патриот – доброволец из Риги Михаил Георгиевич Устинов. Написанная им песня на музыку известного «Марша защитников Москвы», стала любимой боевой казачьей песней тех дней:

« ...То ли утренний иней, то ль дым,

Снова порохом пахнет земля,

И Суворов со шпагой с коня

В ратный путь провожает меня!

Под двуглавым орлом мы в атаку пойдем,

Как ходили в былые века,

И Суворов живой за Тирасполь родной

Поднимает на бой казака!

Пусть стволов не хватает в строю

Постоять за свободу свою,

Но Суворов зовет весь российский народ

Поддержатъ приднестровцев в бою!»...

Уже скоро и казаки-иркутяне станицы «Илимской», идя в бой с оружием в руках, как девиз, как заклинание говорили: «Ну, братья-славяне, с нами Бог и дед Суворов – вперед! Мы победим!»

То, что именно здесь находится штаб Черноморского казачьего войска, прибывшие илимские казаки-иркутяне поняли сразу, еще издали увидев рядом с большим одноэтажным домом недалеко от центра города – бывшем когда-то городским шахматным клубом, - стоявшую боевую технику, челноками снующие БТРы и машины.

Только успев подъехать, как сразу же срывались с места грузовики, унося на запад в момент забравшиеся в них вооруженные группы; надсадно урча и шелестя гусеницами, на дороге разворачивался МТЛБ с облепившими его броню людьми в камуфляжных «комбезах»...

*«МТЛБ, или МТ-ЛБ - многоцелевой легкобронированный гусеничный транспортер-тягач, предназначен для буксировки прицепов массой до 6,5 т, перевозки людей и грузов. Эта вооруженная одним 7,62 мм пулеметом двенадцатитонная бронемашинка во множестве модификаций использовалась армией СССР. Широко применялась в постсоветских войнах, восполняя нехватку БТР и БМП, и в ходе этих войн подвергалась дальнейшим переделкам. Для приднестровцев, испытывавших постоянный недостаток вооружений, МТЛБ была самодостаточной боевой единицей» [*18].*

...Вот подъехал БТР, но весьма странного вида. – Ого-о-о! – как один, увидев его, воскликнули казаки от удивления и восхищения – обшитый наклонными листами дополнительной брони с написанными на борту словами: «**ЗА АТАМАНА КУЧЕРА!**», вместо башни с пулеметом наверху были установлены два подвесных авиационных блока УБ-32, явно снятых с боевого вертолета. 64 ракеты, да еще крупнокалиберный пулемет ДШК, выставленный вперед через лобовую броню – вот это силища!!! Как говорят, голь на выдумку хитра!

Уже подойдя к штабу, казаки увидели еще одну «невидаль» – с парой рваных в лохмотья колес, стоял КамАЗ, по периметру обшитый бронелистами, а из кузова торчали два ствола автоматической зенитной установки ЗУ-23-2, но... по всей длине кузова шла оскорбительная надпись: «**ПМР не государство, а казак не человек**». Ба-а-а! Да это же трофейная штучка! А что надпись такая, то, знать, здорово насолили казаки румынам – «помнит собака палку»!

Тут же рядом стояли еще две таких же «штучки» – отбитые в бою у «румын» бронетранспортеры, с которыми, балагурия и споря между собой, возились механики, приводя доставшуюся им технику в порядок.

- ...Да я говорю тебе, что это чешский! – хлопнув по броне одного из БТРов, доказывал один казак другому – Ты внутри «брони» глянь – там же всё по-чешски!.. Я два года в Центральной группе прослужил... Что я, по-твоему, чешские слова от румынских не отличаю? Хорошая машина, совсем новая, вся ещё в масле – муха не сидела, а если и сидела, то только в тапочках. А какая начинка!.. И на движок посмотри – он же турбовый! В 14-й армии таких БэТэРов – шишь да маленько, а у нас – спасибо «румынам», уже есть!..

Около другого БТРа была слышна беззлобная перебранка. Один казак с ведерком зеленой краски закрашивал опознавательные знаки и надписи, нанесенные кишинёвскими вояками на броню... Другой, выглядевший солидным, уже в годах, белой краской широкой кистью писал спереди и на бортах большие буквы «**ПМР**».

- Эй, ты, «гоф-малер»! И не вздумай мне даже, ...твою мать, это закрашивать! «Румыняки» явно «берега попутали», вот сами на свою погибель и написали!.. – крикнул, высунувшийся из люка казак в тельняшке, видневшейся из-за воротника и сквозь дыры подранного пятнистого «комбеза» – на борту его бронетранспортера крупными белоснежными буквами было написано «**Смерть оккупантам!**» – ...Иди лучше ту гадость замалуй, что спереди написана! – на нижней лобовой броне чуть наискосок шла надпись: «*За единую независимую Молдову!*»

- ...А ты, – не унимался «морячок», обращался с улыбкой уже к другому «художнику», – что там отхохмил на той «броне»? – кивнул он головой куда-то в сторону. – Это ты написал «**Бухарест – столица ПМР**»?.. Такие шутки, как полундра – уже политикой пахнут...

Пожилой «художник» обалдело посмотрел на «морячка», опустил кисть в баночку и, вытирая тряпицей пятна белой краски с рук, хмуро протянул:

- Поли-и-итикой? Чем пахнет ИХ политика мы с тобой, хлопец, на мосту сполна узнали... да на улицах Бендер нанюхались!.. Плевать я хотел на политику! И ...ложить я хотел на всех политиков, кто допустил такое!!! – На лице его была написана такая злость, что, казалось, не только подходить к нему в тот момент, но и разговаривать было опасно.

Тут, бросив взгляд в сторону, Вадим обратил внимание на листик бумаги, что висел на заборе...

- Что там, Михалыч?.. – к Вадиму, как пораженному столбняком, подошли казаки.

«Дорогие дяденьки казаки! Вам сейчас тяжело. Я очень хочу помочь вам, но я еще маленький. Защитите нас! Желая вам счастья и мира. Спасибо Вам! Саша Вьюшков. 7 лет».

И словно бросая вызов силам, развязавшим братоубийственную войну, хлопчик сопроводил свое «открытое письмо», написанное неровным рядом печатных букв, ярким фломастерным рисунком, где были взрывы, летящие самолеты, и горящие танки со... свастикой(!) на башнях, а сверху – лучистое желтое солнце и голубое небо, через которое красными буквами выделялись слова: «**Мы за мир!**»

Стоя с комом в горле, Вадим вдруг подумал, что как когда-то в Отечественную - наших дедов, эти незамысловатые, идущие от чистого детского сердца слова, что приходили в письмах

на передовую, согревают своим теплом и придают сил тем, кто и сегодня встал на защиту Русской земли...

- Это тебе, Сашко, спасибо... – сказал кто-то из рядом стоящих казаков.

Свернув к калитке, что вела во двор штаба, казаки увидели стайку ребятишек, облепивших стоящую у входа пушку. Пушка, как пушка. Обычная противотанковая – МТ-12 «Рапира». Но и здесь, улыбнувшись, они невольно остановились. На стволе красовалась надпись: **«Я стреляла по ПМР – больше не буду!»**

- Ну и черноморцы!.. Что казаки, что моряки - юмор, видать, у них в крови! – засмеялись иркутяне, – Одним ведь воздухом дышат, да и Одесса рядом!.. – вспомнился им эпизод из истории Великой Отечественной войны, когда бойцы морской пехоты Черноморского флота, оборонявшие «Одессу-маму», внезапной атакой, разгромив вражескую батарею, захватили немецкое дальнобойное орудие и выставили его напоказ одесситам. А на стволе той пушки написали: **«Я стреляла по Одессе – больше не буду!»**

Тепло попрощавшись со своим провожатым – Степан не смог сдержать предательски наворачнувшихся слез, – казаки всей группой вошли во двор. Штаб ЧКВ был, словно растревоженный улей.

Одного взгляда на этот просторный двор хватило, чтоб сразу вырвались из памяти и встали перед глазами до сердечного всплеска такие знакомые кадры из любимых с детства фильмов о той войне – с немецкими фашистами. Такой же показывали жизнь и обстановку в боевом партизанском лагере или в ближней прифронтовой полосе в преддверии подготовки к скорому наступлению. Все это, пусть в очень сжатом, но так колоритно сконцентрированном на одной площадке виде, даже несколько смутило и «придавило» иркутян – будто через время и пространство пролегла связующая нить, и они попали в те далекие года! Об этом говорили и, здесь и на улицах города, развешанные, зовущие в бой, плакаты времён Великой Отечественной... Странное чувство: что наяву смотрят в какое-то неведомое им прошлое, в котором они никогда не были и не жили, но которое всё-таки было их.

...У входа в штаб стоял дежурный с автоматом наперевес. В дверях штаба то и дело с озабоченными лицами мелькали вооруженные казаки: война – неотложных вопросов уйма. Одни чуть ли ни бегом прошмыгивали мимо дежурного, другие, пожав руку, успевали перекинуться с ним парой фраз.

Натужно проурчав «движком», и угрюмо качнувшись, у калитки остановился БТР, загруженный поверху длинными армейскими ящиками защитно-зелёной окраски. По борту бронетранспортёра белело: **«Атаманская сотня»**, а на пулемётной башенке написано нечто непонятное: **7«Б»**. С брони спрыгнул подтянутый, энергичный парень в замызганных кроссовках и армейском «лифчике» – разгрузочном жилете – поверх камуфляжного комбинезона «берёзка». В опущенной руке, перехваченный за цевьё, автомат со спаренными «рожками», приклад обмотан резиновым медицинским жгутом.

Своим появлением он у всех, кто находился во дворе штаба, вызвал взрыв радости. Стало понятно, что давненько его здесь не было. Он добродушно всем улыбался какой-то особенной улыбкой – мягкой и располагающей, пожимал протянутые руки, с кем-то обнимался, на вопросы отвечал коротко: «...Нормально ...живой ...он тоже ...обязательно». ...И было видно – как же он устал! На крыльце по-дружески хлопнул дежурного и исчез в дверях штаба.

...В тени, раскинувших свои ветви деревьев, плотной кучкой, лежа на земле, спало несколько казаков. По виду их «камуфляжей» и маскировочных «комбезов» – потертых, местами подранных, пыльных, в грязных и бурых пятнах было понятно, что они не один день пробыли в бою, только недавно вышли из того ада, что зовется Бендерами. Даже умыться, видимо, не было сил – усталость скосила их.

Весь двор утопал в аромате чего-то вкусенького – аж под ложечкой засосало! На импровизированной кухне – сложенной из кирпичей и наскоро обмазанной глиной длинной печи – женщины готовили пищу. Тут же сколоченный из досок длинный стол, за которым на лавках, сняв «камуфляжи», сидели несколько казаков, судя по стуку ложек, голодных и смертельно уставших. Казалось, еще секунда-другая, и они тут же уснут, не успев встать

из-за стола. Это ведь, как известно, только у немцев – «война войной, а обед – по расписанию»... Одна чернявая дивчина свежим бинтом бережно перевязывала руку бойцу, а там под навесом женщина стирала в детской ванночке обмундирование, сразу развешивая его на забор под палящее солнце, тут же другая поливала из ковша воду на спину умывающемуся казаку... «Ах, милые вы наши, дорогие подруги! Чтоб мы без вас делали?» – подумал Михайлов, глядя на них.

Во дворе стоял радиоприемник. «Радио Приднестровья» передавало объявления гражданам республики, новости, указы президента ПМР, постановления правительства. В связи с широкомасштабной агрессией Республики Молдова, Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики сегодня принял решение, что более ни о какой автономии или федеративности не может быть и речи – только независимая и суверенная республика! Последние оперативные сводки, как передаваемые в те далекие годы: «От Советского информбюро. В последний час...», ничего утешительного не доносили... Дубоссары, Кошница, Дороцкое, Кочиеры, Кицканы, Бендеры – в огне все левобережье!

В перерывах между сводками из радиоприемника и репродукторов на улицах города шли, трогающие душу и сердце, полные правды и трагизма песни Игоря Талькова, Виктора Цоя, «Голубых беретов», Жанны Бичевской. И вдруг: «...*Нас оставалось только трое Из восемнадцати ребят*»... На все то, что услышали и увидели за последние часы, еще и слова этой песни рашпилем легли на душу – мороз по коже!.. Сознание Вадима будто выкрикнуло, бросая его в реальность: «Всё! Очнись!!! Ты на войне! И не на той – киношной... Эта война – настоящая!!!» ...В тот момент они все почувствовали себя такими «зелеными салагами».

Во дворе, накрытая маскировочной сетью – зенитная установка ЗУ-23-2. И она здесь не случайно. Одной из шокирующих новостей, которую казаки илимской группы уже слышали по дороге в штаб, была та, что позавчера в шестом часу вечера власти Кишинёва впервые применили «молчавшие» до этого современные МИГ-29...

М.Жирохов. «Авиация в конфликте в Приднестровье». (Из Интернета).

«Основу ВВС Молдовы составляли 31 МиГ-29 (7 штук типа "9-12" и 24 - типа "9-13") из состава бывшего 86-го истребительного полка Черноморского флота СССР, которые после распада СССР достались Молдове как часть "имперского прошлого". Однако все 48 летчиков и большая часть технического состава разъехались по всему бывшему Союзу, поэтому остро стал вопрос о комплектовании вновь созданных военно-воздушных сил.

Министерство Обороны Молдовы начало кампанию по вербовке пилотов молдавской национальности, ранее служивших в Советских ВВС. Уже весной 1992 г. глава этого ведомства заявил, что ВВС располагают четырнадцатью подготовленными летчиками. При этом отметим, что только четверо из них имели опыт полетов на таком достаточно сложном самолете как МиГ-29: бывшие офицеры 624-го ИАП (вошедшего в состав ВВС Украины) майор Виталий Руссу, капитан Александр Даранутса, старшие лейтенанты Святослав Небурак и Александр Попович. При зачислении на службу в молдавские ВВС все они получили звание на ступень выше, чем имели ранее.

...Летчикам была поставлена задача: разрушить стратегически важный мост через Днестр, связывавший Приднестровье с окруженными Бендерами. Для нанесения удара задействовались два МиГ-29, под которые подвесили по шесть бомб ОФАБ-250. Вероятно, для контроля за результатами налета в операции принял участие один МиГ-29УБ. 22 июня в 19:15 Руссу и Небурак (вероятно, самые подготовленные в группе) произвели бомбометание, причем очень неточно: мост остался неповрежденным, а несколько бомб упали на близлежащее село Парканы...»

...Когда появились «родные» МИГи, никому наивно и в голову-то не пришло, зачем они прилетели. МИГи-то – наши, советские, с красными звездами! Даже когда от них отделились черные точки...

Это произошло ровно через 51 год с того дня, как фашистские самолеты именно в этом месте разбомбили мост через Днестр, по которому так же на восток уходили беженцы...

Страшный взрыв огромным веером поднял столб днестровской воды, потряс опоры моста, и, через секунду, будто срезанные ножом, несколько бетонных столбов, державшие троллейбусные провода, рухнули на асфальт. Взрывной волной развернуло и опрокинуло оказавшийся на мосту «КамАЗ», гвардейцев погребло под баррикадой. И погибшие собой словно скрепили её. Мост устоял. Бомбовый удар пришелся недалеко от жилых районов города Бендеры, расположенных в непосредственной близости от складов ракет и горючего ракетной бригады 14-й российской армии, стоящей в Бендерской крепости. В следующий момент эта пара МИГов обрушила свою смертоносную начинку на село Парканы, расположенное на левом берегу Днестра, напротив Бендер. Две бомбы упали на подворья домов по улице Ленина. Одна бомба, по самый стабилизатор, воткнувшись в землю около порога дома, не взорвалась. Ещё две, сметя надворные постройки и серьезно повредив несколько домов, образовали воронки диаметром около 15 метров и глубиной до трех метров, моментально заполнившиеся грунтовыми водами. *«И стали люди мертвыми рыбами в мертвом озере»...* [*9].

М. Бергман, полковник 14-й российской армии.

«Начальник войск ПВО 14-й армии полковник Добрянский докладывал Неткачеву о том, что с аэродрома «Маркулешты» поднялись два самолета и летят в направлении Бендер. ... Однако командующий не разрешил открывать по ним огонь...». [*17].

Эти самолеты были подняты в воздух с военного аэродрома, расположенного чуть севернее молдавской столицы. Там и дислоцировались эти боевые крылатые машины – целый полк, в то время суперсовременных многоцелевых истребителей МИГ-29, с полным арсеналом авиационного вооружения и боезапаса, со всей инфраструктурой наземного базирования и обеспечения, не противясь воле Ельцина, любезно переданных 23 марта Молдове маршалом авиации Евгением Шапошниковым.

По поводу их передачи Шапошников легковесно изрек: *«Не надо подогревать друг друга, нагнетать напряженность из-за того, что где-то какое-то количество самолетов попало не в Россию, а в Молдову, ведь, в конце концов, это всего лишь «железо». В сущности, каждое государство СНГ имеет на него право».* [*17]. Но, во-первых, Молдова в то время ещё не была членом СНГ. Второе: Республика Молдова той весной в течение нескольких недель получила колоссальное количество боевой техники. Получила-то от России, хоть и под прикрытием «трех букв». Имеется в виду СНГ. Третье: всем ведь было ясно, да Кишинев особо-то и не скрывал, что главной задачей лихорадочно формируемой национальной армии Молдовы на период весны-лета 1992 года будет захват Приднестровья, уничтожение ПМР. Шапошникову это было предельно ясно тоже. И, что главное, МИГи были переданы Молдове в те дни, когда уже вовсю шли бои! Сказав во всеуслышание свою «шутливую» реплику, маршал обозначил как своё личное, - ну это бы ещё куда ни шло! - так и отношение к приднестровскому конфликту, и ко всем жителям левобережья Днестра, высшего российского руководства. А вот это для руководства такой державы недопустимо и постыдно! Говоря прямо, по-военному, это отношение маршала Шапошникова, как человека государственного, непосредственно подчиненного Президенту России, можно назвать одним словом – **предательство!** И, судя по их делам, вернее бездействию, всё высшее руководство РФ – но не народ России!!! - **предало** 800 тысяч приднестровцев, бывших граждан бывшего СССР!

Из сообщения радиостанции «Маяк» 23 июня 1992 года.

«Министр национальной обороны Республики Молдова генерал Ион Костаи заявил, что национальная армия не применяла военную авиацию в Приднестровье, и все заявления об этом являются выдумкой. Аналогично он подтвердил, что Молдова не имеет подобного вооружения и не получала его в Румынии». [*1].

Как и следовало ожидать, молдавские официальные лица поначалу настойчиво отрицали причастность своих ВВС к налету: *«Использование Молдовой авиации? Это абсолютная дезинформация. Да, два самолёта МиГ-29 совершили разведывательный полет на низкой*

высоте между Бендерами и Тирасполем. И только!» - завирался старший помощник министра обороны РМ полковник Н.Туртуряну («Бендеры. Странная война», «Известия» 29 июня 1992 г.) Однако несколько позднее министерство обороны РМ признало факт бомбардировки и, но начисто отверг заявления СМИ о разрушении домов и гибели людей: «Самолёты действительно летали. Они нанесли бомбовый удар по мосту между Бендерами и Тирасполем. Но промахнулись. По словам лётчиков, бомбы попали не в жилые дома, а на пляж. Это обычная разведка боем. Цель – остудить агрессивный пыл 14-й армии» - уходя от ответственности, сказал полковник Василий Чебану, командующий авиацией ВС Молдовы.

Газета «Днестровская правда», N 147 (7834), 30.06.1992 г.

«...Установлены фамилии лётчиков, решивших «прославиться» бомбардировками Приднестровья. Это Александр Дарануца, 1963 года рождения, закончил Харьковское авиационное училище; старший лейтенант Александр Бобович, закончил Качинское училище; старший лейтенант Святослав Медуран, закончил в 1988 году Борисоглебское авиационное училище. Четвертый – капитан Руссу. Других данных о нем нет».

- Ну что, господа «руссо-туристо», – улыбнувшись одними глазами, обратился к группе Вадим, – вот мы и на месте. Подождите пока нас здесь, – кивнул на лавочку у стены штаба. Покопавшись в сумке, из-под дна надорванной подкладки, достал запечатанный конверт, врученный ему атаманом в Иркутске. – Пойдем, Борис.

Казаки поставили свои вещи рядом у стены, где висел, известный со времён Великой Отечественной, плакат «Родина-мать зовёт!», и как-то смущенно оглядывая двор, присели на лавочку.

Михайлов с Будуновым предъявили искренне удивившемуся дежурному свои удостоверения Иркутского казачьего войска, спросили: здесь ли атаман или к кому им обратиться.

- Обождите здесь. Сейчас... – и дежурный исчез за какой-то дверью.

А парням стало довольно таки жутко – в коридоре, прислоненные к стене, в ряд стояло несколько новеньких, обитых красным, гробов...

Через пару минут начальник штаба ЧКВ – по-казачьи: войсковой писарь – с покрасневшими и ввалившимися, видно, от накопившейся усталости и хронического недосыпания, глазами, просмотрел поданные ему бумаги и документы. Вскрыв конверт, пробежал взглядом по строчкам письма, адресованного атаману ЧКВ полковнику Бондарчуку.

Прочитав, молча встал, вышел из-за стола и поочередно крепко обнял Вадима и Бориса, по православному троекратно поцеловав каждого.

- Спасибо, братушки! Ваш «батька» может гордиться своими орлами!.. Ваши земляки – настоящие герои! Каждый за десятерых дрался! В Бендерах, если б и не они!.. – начштаба перевел дух и, взяв письмо, сказал: – Наш «батька» тогда был вместе со всеми, видел, как воюют иркутяне. Сейчас его нет, он дома – там, у исполкома, сильно контузило. Вместо него пока Рябинский, но он с казаками на позициях в Бендерах. Пойдемте, представлю вас атаману Тираспольского округа.

- Разрешите?.. – начштаба открыл дверь, и, не дожидаясь разрешения, жестом пригласил Бориса и Вадима зайти. – Господин атаман, к нам еще восемь иркутян прибыли! – с гордостью сказал он, заходя следом.

Атаман в кабинете находился не один, и было видно, что он очень занят – у него сидели люди, одетые в «афганки»-хаки без каких-либо знаков различия. Извинившись перед ними, он кивнул головой. Прочитав письмо иркутского «батьки», и, несмотря на занятость, минут пять все же уделил прибывшим казакам. Находившиеся у него в кабинете люди в «хаки», в которых по их отутюженным хаки и загорелым лицам, подчеркнутым белоснежными полосками уставных подворотничков, безошибочно угадывались профессионалы-военные, вероятно, российской армии, с неподдельным интересом слушали, поглядывая на вошедших.

- Меринову я сегодня же позвоню, – сказал он, и, уже обращаясь к начальнику штаба: – Найди Бальбуциева. Он сейчас в Тирасполе, только сегодня вышел из Бендер, часа два как был

у меня... – и, подняв на казаков хмурый взгляд, добавил: – ... с плохой вестью. Знайте, господа – Иркутское войско потеряло еще одного казака...

Тяжким грузом повисло на сердце известие о том, что вчера в Бендерах погиб Олег Халтурин. Вместе с казаком-тираспольчанином Сергеем Корабельниковым, многим известным как «Огонек», прозванным так за огненно-рыжую шевелюру, отчаянный и неугомонных характер. Они пошли в разведку. Недалеко от Днестра на окраине города они внезапно напоролись на засаду: засады всегда бывают внезапными – яростная, неравная схватка. Оба получили ранения. Обложили их крепко. Массированным огнем ОПОНовцы отсекали прибывшую на помощь группу казаков – у «румын» было и численное превосходство, и превосходство в вооружении. Двум раненым окруженным казакам кричали разные мерзости, предлагали сдаться. В ответ – короткие жалающие автоматные очереди. Не подпуская «румын» близко, истекая кровью, прикрывали друг друга. Тогда к их позиции подошли БТР и расстреляли из пулемёта и гранатометов... Так вместе они там и лежат. Вытащить их тела – были попытки, но... пока нет никакой возможности...

- На прибывших иркутян подготовь приказ, поставь на довольствие, – сухо приказал атаман войсковому писарю, и посмотрел на Будунова и Михайлова: – Вашей группе сегодня отдыхать с дороги, знакомиться с обстановкой – начштаба проинструктирует и поможет устроиться переночевать, а завтра к восьми утра прибыть сюда, сдать документы, личные вещи и получить оружие. Поидете в Бендеры...

Как ни стремились усть-илимские казаки-иркутяне в бой – скорей, скорей на помощь приднестровцам! – но при слове «Бендеры» – название города, в который они завтра войдут, и ставшее синонимом слову «ад», Вадим вдруг ощутил, казалось, независимо от своего сознания – нутром, душой! – странно, да? – чувство ужаса!!! ...Как курсант-летчик, рвущийся в небо, но в то же время со страхом ожидающий свой первый самостоятельный вылет. Быстро скосив глаза на Бориса, он, перехватив молниеносный ответный взгляд, понял, что Будунов ощутил то же, что-то близкое к этому...

Выходя из кабинета, и ещё раз бросив встревоженный взгляд на гробы, во дворе штаба вдруг услышали гомон, возгласы и дружное ликующее «Ура-А-А!!!». Глянули в окно и увидели свою группу, окруженную плотным кольцом восторженных казаков, каждый из которых старался пожать руку, обнять...

Новички заметны сразу, поэтому к их группе тут же проявили интерес. Вошедшие во двор штаба бойцы, только прибывшие с передовой, сразу спросили странных «гражданских», сидящих у стены: «Откуда вы, братки? Кто такие?..» Получив ответ, своей непосредственной и искренней радостью – «Помощь пришла!» – буквально «на уши поставили» всех, кто был во дворе.

...На оформление всех документов у начальника штаба ушло не так много времени. Согласно приказу, группа казаков станицы «Илимской» Иркутского казачьего войска, как прикомандированная, временно вошла в состав Черноморского казачьего войска, в 1-ю Тираспольскую казачью сотню, с суточным содержанием каждого в 76 рублей...

- ...И чему, сотник, улыбаемся? – недоуменно спросил начштаба, посмотрев на Михайлова.

- Да все нормально. Просто вспомнились статьи в газетах... - и Вадим с Борисом, перебивая друг друга, со смехом рассказали, как, купив в Москве кучу газет, парни обнаружили на страницах «Недели» – еженедельном приложении к газете «Известия», а потом и в «Московском комсомольце», «Московских новостях», этих «независимых» изданиях, вскормленных «демократической тусовкой» выплывших на поверхность «молодых реформаторов», полные серьезности журналистские утверждения о том, что прибывающим в Тирасполь «легионерам», хоть вербовки не велось и контрактов они не подписывали, но платят довольно-таки неплохо, и об этом, мол, есть масса свидетельств!

- ...Вот я на своей работе с учетом премиальных получаю чуть больше восьми тыщ в месяц, – улыбаясь, сказал Будунов. – А вот Михалыч, – он кивнул на Вадима, – около двенадцати!.. Так кто из нас наемник?.. Мы, за месяц пайком получив здесь две «штуки»

«деревянных»? – ...Если доживём, – перебив Бориса, буркнул Вадим, – ...или те московские писаки, заказные статейки которым «демократическая общественность» оплачивает «зеленью»?

- Да мы к этому как-то привыкли и уже внимания даже не обращаем, – устало сказал начштаба. – Просто надоело. Как там, на Востоке-то говорят: «Собака лает, а караван идет»? Каких соборов здесь только не перебивало: из Москвы, Киева, из областных газет, а уж западных да заморских журналистов – не счесть! Да Бога ради, пусть едут – мы открыты, всех приветим! Пусть смотрят, слушают, да правду скажут! Но ведь иной раз, поев с нами из одного котла, такое напишут – да креста ж на них нет! Как-то раз казаков-добровольцев, прибывших к нам, даже сравнили с афганскими «черными аистами» - тьфу! В угоду своим заокеанским кукловодам-издателям да в погоне за «жареной» сенсацией всё ведь извратят, не думая, что эта ложь отольется для нас пулей. Но что прекрасно понимают, так то, что она станет звонкой монетой в их кармане! У этих людишек при шуршании «зелени» такие понятия, как «правда» и «совесть», видимо, отключаются автоматически.

- И ведь что самое интересное: обыватель верит этой ахинее! Не объяснишь, да и не поверят, что журналист, написавший это – идиот. Поверят журналисту. Ещё Пушкин отмечал, увы, патологическое доверие русской души к печатному слову...

- Но, слава Богу, «погоду делают» не эти. Да вы еще сами повстречаетесь со многими из них, их тут нынче много. Здесь вот журналистка из «Комсомольской правды» уж сколько дней работает – дюже отчаянная дивчина! Лезет в пекло – сам черт ей не страшен! А какие статьи пишет!!!

- Ну что, освоились уже? – подходя к восторженной группе, стоящей в плотном окружении казаков, с улыбкой спросил Борис, когда они с Вадимом вышли от начштаба. – Здорово, станичники! – крепким рукопожатием поприветствовали каждого из бойцов, одетых в разномастные «комбезы», «камуфляжи» и «афганки». Познакомились.

Среди черноморцев из каких только войск казаков здесь не было! Отдельные их группы вывели с других участков обороны, в штабе переформируют и уже сегодня-завтра направят в Бендеры, где обстановка наиболее трудная. Тут же были и казаки, только что прибывшие в штаб с каким-то заданием прямо из Бендер. И от них тоже услышали, что о храбрости иркутской группы, прямо с ходу вступившей в бой – «с корабля и на бал!» – ходят чуть ли не легенды!

- Отчаянные ребята! – с восхищением говорили казаки. - Долго еще будут «румыны» их помнить!

...Они ещё не знали, потому и были шокированы сообщенной Вадимом скорбной вестью о гибели Серёжки-«Огонька» и Олега Халтурина – погрузтели, обнажили головы.

«...Эта подлая война убивает молодых, не знающих, что такое смерть, не верящих в свои двадцать в её возможность. Эта война против поколения, выросшего в мире, и для которого понятие «смерть» что-то далёкое, абстрактное, никак к нему не относящееся, - прозвучало в фильме «Память» Тираспольской телевизионной компании «АСКЭТ», посвященного всем, кому в 1992 году так навсегда и останется по 20 лет. - ...Сергей Васильевич Корабельников. Для друзей – «Огонёк». Наш оператор встретился с ним 20-го июня на Бендерском мосту, на самой крайней точке. Он был из тех казаков, кому Бендеры обязаны своим освобождением. Отличник, мечтавший поступить в Тираспольский университет. И самый отчаянный из тех, кто был тогда в эти жаркие дни на мосту. Сергей погиб 22 июня... Ему было всего 21 год. Он не успел завести семью, он многого чего не успел, «Огонёк». Последними его словами, сказанными нашему оператору, были: «Ну, что, ещё увидимся!...»

- Мужики, извините... - послышался громоподобный бас. Все обернулись. Как появились во дворе два бойца в серой форме российской милиции с нашивками «ОМОН», они не заметили.

- Вообще-то, мы – казаки, а не «мужики», – подсказал кто-то из толпы.

- ...Извините еще раз. Я – Пименов Юрий, – представился один из них – среднего роста, но крепыш, каких еще поискать надо. – А это мой друг и полчанин Володя. Нам сказали, что здесь мы можем своих земляков встретить... Сибиряки есть?

- Есть!!! – в голос ответили, чуть ли не все казаки, так, что ОМОНовцы – здоровяки, про которых говорят: «кулак - с голову пионера», от такого аж опешили... И тут же – взрыв радости!

- Братцы!.. А откуда вы? Мы-то из Новосибирска... с УВД... – как в тиски, своей грудой мышц хватили ОМОНовцы казаков в объятия, сияя как от вдруг свалившегося на них счастья. – Мы груз гуманитарный сопровождали – медикаменты, кровь, плазму, продукты... Вон на улице три «КамАЗа» наших стоят. Сдали все в госпиталь, там и сказали нам, что вас здесь много!

А когда новосибирцы узнали, что среди черноморских и донских казаков здесь стоят казаки-иркутяне, двое забайкальцев, трое омичей, один из Бийска, другой из Барнаула, и из Абакана ещё – вообще ошалели!

- Ожидали встретить... но чтоб здесь со всей Сибири земляков увидеть!..

- А мы тут все земляки, – сказал Лекарев. – Что Енисей или Ангара, Лена, Обь, Дон, Кубань или Днестр – все они свои воды по одной земле несут – российской! Все здесь земляки и братья – по духу и крови. Вот мы – иркутяне, войдя в состав Черноморского войска, стали сегодня приднестровцами. А пролитая погибшими иркутянами кровь, пропитала уж землю у Днестра, смешавшись с кровью жителей Бендер, казаков и гвардейцев. Кто мы, если не братья, породненные кровью с этой землей? – Слава, перекатывая желваками, заметно волновался, глаза его блестели. – А раненные приднестровцы, донские или кубанские казаки, через чье сердце сейчас пойдет привезенная вами донорская кровь, разве не будут они чувствовать себя побратимами с сибиряками?..

Славка замолчал. Пименов, стянув с головы свой черный ОМОНовский берет, с видом человека, только что пережившего стресс, смотрел на Лекарева. С минуту висела тишина.

- Спасибо тебе, брат, – словно очнувшись, тихо произнес он и тут же сгреб в объятия своими ручищами Славку, показавшегося всем, по сравнению с ним, таким худеньким. – На всю жизнь твои слова запомню, детям своим передам! Эх, нам бы с вами!.. Володя, а ну-ка, сфотографируй меня с казаками! – сказал, как scomандовал, он своему напарнику. – Я всем дома об этой встрече, обо всем, что мы здесь видели, через газету расскажу! Весь Новосибирск помощь собирал, пусть весь город, вся область знает, что хрен-с-два получится тем козлам, – со злобой кивнул он головой в сторону запада, – победить Приднестровье! А уж если вся Россия встанет!..

ТЕЛЕГРАММА.

Кишинев, площадь Марии Адунэрь Национале, 1.

Президенту Республики Молдова господину СНЕГУРУ Мирче.

Господин Снегур! Амурские, уссурийские, сибирские казаки следят за тем, как Вы, используя все способы в сговоре с Румынией, коварно и жестоко пытаетесь отделить от своих славянских корней народ Приднестровья. А теперь вероломно прибегнули к военной силе. Произошедшее в Бендерах – преступление против народа, за что понесете заслуженную кару.

Вы совершенно не знаете истории казачества и государства Российского, и не делаете выводов из уроков, которые получили наши враги на протяжении тысячелетней истории. Казаки всех казачьих земель, все славянские народы, народы Великой Отчизны - нам братья. Мы всегда жили вольно и свободно, и не потерпим насилия ни над собой, ни над своими братьями. Наш святой братский долг помочь им.

Честь имею!

*Атаман казачьих войск Дальней России генерал-майор СТАРКОВ В.А. 23 июня 1992 г. [*16].*

Плотное кольцо казаков, с попавшими в него новосибирскими ОМОНавцами, разорвал звонкий девичий голос:

- Ну что ж вы, станичники, аль все обычаи забыли? Братушки только с дороги, а вы их своими разговорами совсем замучили! А пойдемте-ка все, отведайте лучше наших донских щей наваристых! Голодные ведь, небось?

- А еще несколько голодных сибиряков, никогда не едавших щей донских, накормите? – с игривой улыбкой спросил Пименов, и под смех и шутки сказал своему другу: – Сходи, позови наших «водил».

Дружной, весело галдящей гурьбой, в одночасье став такими родными и близкими, все расселись на лавки за тщательно выскобленный до белизны длинный дощатый стол, который своим торцом почти упирался в станину готовой к бою зенитки...

В глубоких мисках на столе горками уже лежал хлеб, зелень с чесноком и тугими перьями лука, пурпуром блестели на солнце крупные сочные томаты... Слушая не скупившихся нахваливать их «чудо, а не щи», «волшебницы», стоявшие у жаркой плиты, лишь изредка отшучивались, скромно улыбались...

Вскоре рядом сели за стол только что прибывшие казаки, уже успев сдать в «оружейку» свои автоматы, и балагурия, как со старинными знакомыми, бурным многоголосьем влились в общий разговор. Как все сразу сообразили, они только что вышли из уличных боев в Бендерах. Были возбуждены и веселы. Шутили, перебивали и подначивали друг друга, вспоминая курьезные случаи, смеясь. И хотя их глаза выдавали страшную усталость, какую-то опустошенность и проскальзывавшую в них боль и грусть, но, казалось, вся их душа, поет от радости: «...Врезали же мы им! ...Мы победили! ...И живы!» Шквальный сонм их чувств можно было сейчас понять. Вадим вспомнил, что где-то читал о таком: это состояние нормально для человека, только что прошедшего через смертельную опасность – организм включает свою внутреннюю защиту, эдакую психологическую разгрузку, чтоб не свихнуться от пережитого потрясения и кошмара...

Казалось, сегодня илимских казаков уже вряд ли можно было чем-то удивить, но тут вдруг...

Стоящий рядом радиоприемник в череде выдаваемых «в последний час» новостей сообщил, что сегодня в Тирасполь из далекого сибирского города Усть-Илимска в помощь сражающемуся Приднестровью прибыла группа казаков–иркутян! И тут же следом весть о прибытии гуманитарного груза – нескольких тонн продуктов и бесценных медикаментов, собранных трудовыми коллективами Новосибирска!

- О-о-о!!! Вот это любо! – услышав, воскликнули чуть ли не хором недавно прибывшие казаки. А когда девчата-«волшебницы», хитро улыбаясь, сказали им, что «виновники» сих вестей сейчас сидят рядом с ними за одним столом – что тут началось! К душевному подъему и возбуждению казаков, прибавилась еще и безмерная радость от прибывшей – «...как вы вовремя!» – помощи аж из самой Сибири – «...ну, коль сибирские войска двинулись! ...да вся Россия с нами!!!»

Здесь можно было ручаться, что за всю жизнь ни новосибирские ОМОНовцы, ни казаки-иркутяне, не испытывали, как в этот день, такого внимания и радушия. Но вместе с тем для усть-илимской группы это было своеобразным авансом, поддержкой и надеждой – «мы верим в вас!» Через каждую душу прошло это, придавая сил и вливая какое-то новое чувство ответственности! И хотелось не подвести, сделать все возможное, чтоб защитить эту землю, этих людей от неофашиствующего агрессора!

*«Ах, милая Молдавия, да левый край Днестра!
Помню твои песни и танцы до утра!
Всё, что было, кануло – в дальнее вчера...
Знать, снова собираться в поход пришла пора!
Кровью наливается чёрный виноград,
Дни стоят горячие – в предгорьях Карпат...
Здесь хоронят русских, твоих, Страна, орлят –
И славный добровольческий мы соберём отряд!
Фашисты – в Кишинёве, да и на Москве-реке...
А наша боль за Родину – слезинкой на щеке.
Последнюю гранату – сожму в своей руке!
Останется лишь песенка в солдатском дневнике.
«Не смеют крылья чёрные над Родиной летать!»
Пусть знают, как Орлята умеют умирать.
Нам Родину два раза уже не выбирать.
Встаёт страна огромная
на смертный бой опять!»*

А. Крылов, 1992 г.